

УДК 321.02:352.07:004

«УМНЫЙ ГОРОД» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: БИОПОЛИТИКА И КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Норманаев С.К., студент гр. П-221, III курс

Научный руководитель: Репин Р.О., ст. преподаватель

Кемеровский государственный университет. г. Кемерово

В статье осуществляется политико-философский анализ концепции «умного города», рассматриваемой не как нейтральный технологический проект, а как инструмент реализации биополитических стратегий управления населением. Исследуются механизмы цифрового контроля, мониторинга и регулирования повседневности, внедряемые в систему муниципального менеджмента. Особое внимание уделяется трансформации субъектности горожанина в условиях тотальной оцифровки и противоречию между безопасностью и приватностью как ключевой дилемме современного урбанистического развития.

Концепция «умного города» прочно вошла в дискурс современного муниципального управления, позиционируясь преимущественно как технологический проект, направленный на оптимизацию городских процессов, повышение эффективности использования ресурсов и улучшение качества жизни населения через внедрение цифровых инноваций. Однако за фасадом нейтральных технологических решений скрывается глубокая политическая составляющая, требующая самостоятельного анализа [1]. «Умный город» представляет собой не просто совокупность датчиков, камер и аналитических платформ, но принципиально новую конфигурацию властных отношений, где управление все более смещается от дисциплинарных практик, ориентированных на наказание за отклонения, к биополитическому контролю, нацеленному на превентивное регулирование жизненных процессов [2].

Теоретико-методологическую базу исследования составляют концепция биополитики М. Фуко, теория общества контроля Ж. Делёза, а также современные подходы к критическому анализу цифровизации городского пространства [3].

Понятие биополитики, введенное Мишелем Фуко, фиксирует исторический сдвиг в осуществлении власти: от права суверена «дать умереть и заставить жить» к технологиям, направленным на «заставить жить и позволить умереть» [2, с.312]. Власть более не довольствуется наказанием индивида за совершенное правонарушение, но стремится управлять самими параметрами жизни популяции – рождаемостью, смертностью, здоровьем, продолжительностью жизни, безопасностью [4, с.199-214]. Именно в этом контексте проект «умного города» обретает свое подлинное политическое значение. Цифровые системы сбора и обработки данных о горожанах создают беспрецедентные возможности для мониторинга, прогнозирования и

коррекции поведения больших масс людей на основе алгоритмического анализа. Город превращается в гигантскую лабораторию, где каждый житель выступает генератором данных, а каждая точка пространства – объектом измерения и оптимизации [5, с.147].

Ключевым инструментом реализации биополитического контроля в структуре «умного города» выступает инфраструктура тотального наблюдения. Системы видеонаблюдения с функциями распознавания лиц, отслеживание перемещений через камеры и геолокацию мобильных устройств, анализ цифровых следов в городских сервисах и социальных сетях – все это формирует то, что исследователи вслед за Фуко называют «паноптикумом», но в его цифровой, децентрализованной и вездесущей версии [6, с.17].

В отличие от классической тюремной модели, где заключенный знает о потенциальной возможности наблюдения, но не видит наблюдателя, цифровой паноптикум не требует даже осознания факта слежки: данные собираются автоматически, в фоновом режиме, становясь сырьем для управленческих решений. Гражданин оказывается вписанным в систему перманентного мониторинга вне зависимости от своего желания или нежелания, поскольку само присутствие в городском пространстве в эпоху тотальной оцифровки неизбежно продуцирует информацию о нем.

Биополитическая логика «умного города» отчетливо прослеживается в смещении фокуса управления от реагирования на уже случившиеся события к их прогнозированию и предотвращению. Превентивная аналитика, основанная на обработке больших данных, позволяет выявлять потенциальные угрозы – от криминальных инцидентов до коммунальных аварий – еще до того, как они проявятся в реальности [7]. Внедрение систем «умного правосудия» и прогнозирования преступности переводит логику правоохранительной деятельности в принципиально иную плоскость: решение о повышенном внимании к определенным территориям или группам граждан принимается не на основе совершенных действий, а на основе статистических корреляций и алгоритмических расчетов «рисков».

Это порождает фундаментальную проблему алгоритмической дискриминации, когда уязвимые социальные группы, в отличие от элит, попадают в порочный круг усиленного контроля именно в силу своей уязвимости, фиксируемой цифровыми системами [8, с.171].

Показательным примером реализации биополитических технологий на муниципальном уровне выступает внедрение систем социального кредитования, наиболее полно развернутых в Китае, но в рудиментарных формах присутствующих и в российских практиках. Идея присвоения каждому гражданину цифрового рейтинга, зависящего от его поведения (соблюдение правил, оплата штрафов, общественная активность), и последующей дифференциации доступа к социальным благам на основе этого рейтинга представляет собой квинтэссенцию биополитического подхода. Власть перестает интересоваться внутренними мотивами поступков, фиксируя исключительно внешние проявления и выстраивая на их основе систему

поощрений и наказаний, призванную формировать «правильное», предсказуемое, безопасное поведение. Российская система «умного города» пока не включает столь радикальных механизмов, однако элементы рейтингования присутствуют в оценке эффективности работы управляющих компаний, в формировании «рейтингов доверия» при получении государственных услуг, что создает прецеденты для дальнейшего расширения подобных практик.

Важнейшим аспектом политического анализа «умного города» становится трансформация субъектности горожанина. В условиях тотальной оцифровки человек оказывается не столько участником городской жизни, сколько объектом управленческих воздействий, источником данных для оптимизационных алгоритмов [9, с.205-212]. Его предпочтения, маршруты, покупки, социальные связи превращаются в товар, которым монетизируются технологические корпорации, и в ресурс, на основе которого принимаются муниципальные решения. Парадокс «умного города» заключается в том, что декларируемая цель повышения качества жизни достигается ценой утраты автономии и приватности. Горожанин получает возможность оперативно узнавать о прибытии транспорта или оплачивать парковку через приложение, но платит за это согласием на непрерывное отслеживание своих перемещений и предпочтений. Возникает эффект «добровольного заточения», когда удобство и безопасность обмениваются на свободу от наблюдения, причем сам обмен часто не осознается как политический выбор.

В российском контексте реализация проекта «умный город» приобретает специфические черты, связанные с традиционно сильной ролью государства и менее развитыми институтами гражданского общества. Программа «Умный город», реализуемая Минстроем России в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика», делает акцент на внедрении технологических решений в сферах ЖКХ, транспорта, туризма и безопасности.

Система «Безопасный город», интегрирующая потоки данных от различных ведомств и служб, становится ключевым элементом этой инфраструктуры. Показательно, что безопасность трактуется преимущественно как задача контроля и предотвращения угроз, а не как расширение возможностей для самореализации горожан. Муниципальная власть выступает заказчиком и оператором цифровых систем, тогда как жители остаются пассивными потребителями предоставляемых услуг или, в более широком смысле, объектами управленческого воздействия.

Проблема приватности в этих условиях приобретает особую остроту. Российское законодательство, включая принятые поправки к закону «О персональных данных», последовательно расширяет возможности государства по сбору и обработке информации о гражданах [6]. Внедрение систем распознавания лиц в общественных местах, обязательная биометрическая регистрация для получения ряда услуг, создание единых баз данных – все это легитимируется ссылками на необходимость обеспечения безопасности и

борьбы с терроризмом. Однако отсутствие прозрачных механизмов контроля за использованием собранных данных, размытость критериев их применения и потенциальная возможность злоупотреблений создают риски перерастания биополитического контроля в откровенно репрессивные практики. Политическая субъектность горожанина оказывается под вопросом: может ли человек, каждый шаг которого фиксируется и анализируется, считаться полноценным участником политического процесса?

Вместе с тем, анализ концепции «умного города» был бы неполным без признания ее эмансипаторного потенциала. Цифровые технологии способны расширять возможности гражданского контроля за действиями власти, делать более прозрачными процедуры принятия решений, вовлекать жителей в управление городским хозяйством через краудсорсинговые платформы и электронные голосования. Открытые данные могут становиться ресурсом для общественных расследований и экспертизы муниципальной политики. Вопрос, таким образом, упирается не в технологию саму по себе, а в политический режим ее использования [8, с.209]. Один и тот же набор цифровых инструментов может служить либо усилению контроля и ограничению свобод, либо расширению возможностей участия и повышению открытости власти. Ключевым фактором становится наличие или отсутствие институтов, обеспечивающих баланс между безопасностью и приватностью, между эффективностью управления и автономией личности.

Таким образом, проект «умный город» представляет собой не просто технологическую инновацию, но развернутую политическую программу, реализующую биополитическую логику управления населением. Через системы тотального мониторинга, превентивной аналитики и алгоритмического рейтингования формируется новая конфигурация властных отношений, в которой горожанин превращается из субъекта политического действия в объект управленческих воздействий. Российская модель «умного города», развивающаяся в условиях сильной государственной вертикали и слабых институтов гражданского общества, демонстрирует отчетливый крен в сторону контроля и безопасности в ущерб приватности и автономии.

Дальнейшее развитие городских цифровых систем требует не только технологических, но и политических решений – создания правовых и институциональных механизмов, способных обеспечить защиту прав граждан в условиях тотальной оцифровки. Без этого «умный город» рискует превратиться в «город-тюрьму», где комфорт и безопасность покупаются ценой утраты фундаментальных политических свобод.

Список литературы:

1. Володенков, С. В. Интернет–коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу / С. В. Володенков. – Москва: Проспект, 2021. – 416 с.

2. Фуко, М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А.В. Дьякова. – Санкт-Петербург: Наука, 2010. – 448 с.
3. Делёз, Ж. Postscriptum к обществам контроля / Ж. Делёз // Переговоры. 1972-1990. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – С. 226-233.
4. Бирюков С. В., Чирун С. Н., Андреев А.В. Глобальный публичный порядок и его изменения // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 199-214.
5. Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета //Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138-152.
6. Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В. Цифровое управление: поиск новых моделей государственного управления в современной ситуации // PolitBook. – 2025. – № 4. – С. 6-20.
7. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски //Управленческое консультирование. 2018. №10. С. 46-61.
8. Чирун С.Н., Пятков М.О. Проблемы эффективности взаимодействия бизнес-структур и органов государственной власти в регионах ресурсного типа // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2025. № 2 (67). С. 169-173.
9. Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205-212.